

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
3-93

Зуев, Виктор Павлович.

3-93 Аральский тупик / Виктор Зуев. — Москва : Алгоритм, 2018. — 240 с.

ISBN 978-5-907028-35-7

В ходе историко-документального расследования крупнейшей в мире экологической катастрофы перед Виктором Зуевым встали непростые вопросы:

— Что именно произошло в Приаралье?

— Почему некогда третье по величине бессточное озеро планеты высохло до такой степени, что превратилось в так называемые Большой Арал и Малый, и чем это грозит?

— Какую роль во всем этом сыграли политики?

— При чем здесь исламский фундаментализм и практика «развитого» социализма?

— Какова природа таинственных НЛО над Барсакельмесом и кто за кем наблюдает?

— Можно ли спасти Арал?

«Аральский тупик» — единственная в мире внятная книга по проблеме Арала — содержит ответы на все эти вопросы.

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-907028-35-7

© Зуев В.П., 2018
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

Зуев Виктор Павлович

АРАЛЬСКИЙ ТУПИК

Редактор *Н.В. Мезина*
Художник *Е.В. Максименкова*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 06.04.2018.
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-907028-35-7

9 785907 028357 >

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Игорь Зонн</i> . Предисловие	6
Необязательное предуведомление (Надпись на полях)	9
Блокнот первый. Что случилось?	
Лист первый. «Кругом горе, а посередине... море?» . . .	14
Лист второй. «А ежели бы не сгорел?»	16
Лист третий. Несколько цифр с комментариями	50
Блокнот второй. Кто виноват?	
Лист первый. Мелеть или не мелеть? Вопрос о постановке вопроса	54
Лист второй. Взгляд назад: до и после Рождества Христова	72
Лист третий. Исламский фундаментализм и практика «развитого» социализма, или Восточный вызов западной толерантности	125
Блокнот третий. Что делать?	
Лист первый. Поиск выхода или выход из поиска? . . .	156
Вместо послесловия	204
Еще один постскриптум	206
<i>Алексей Климов</i> . Нормальное послесловие специалиста по психологии управления	208
Блокнот четвертый. Жизнь после смерти	217
<i>Алексей Климов</i> . Послесловие «постспециалиста» по «постпсихологии управления»	233
Об авторе	238

Социализм должен быть где-нибудь испытан, ибо только такой опыт исцелит народы от их химер, и все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы этот опыт был произведён за пределами нашего отечества.

Г. Лебон. «Психология социализма»

Мы должны смело и открыто смотреть в будущее.

М. С. Горбачев. «Социалистическая идея и революционная перестройка»

Затем он развернул перед юношей ровное кроваво-красное полотнище без вышивок и без всяких украшений и торжественно произнес:

— Вот он.

— Но ведь это пиратский флаг!

Дж. Ф. Купер. «Красный корсар»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то Анна Ахматова сказала: «Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошедшее тлеет». Эти слова можно смело отнести к новой книге Виктора Зуева — не только публициста, но и поэта, путешественника, а также, как точно определил Игорь Дудинский, человека «с врождённой основательностью души», — книге, посвящённой ставшей всемирно известной трагедии Аральского моря.

Фотография В. Гордеева

Теперь в уже далеком 1991 году Виктор Зуев издал небольшую книгу «Аральский тупик», в которой в ходе своих поездок по региону и конкретно на море честно, всесторонне и объективно осветил проблемы его кризисного исчезновения, привнося при этом свою оценку происходящего. Следует напомнить, что тогда в ходе проводимой СССР новой политики гласности до сведения мирового сообщества была доведена информация об опасной экологической деградации региона Арала и её влиянии на все аспекты жизнедеятельности жителей, населявших его территории. Тогда уровень моря — бессточного водоёма, занимавшего в списке мировых озер четвёртое место, упал на 16 метров, и уже было утрачено его рыбохозяйственное, транспортное и климатическое значение. И вот сегодня,

спустя четверть века, В. Зуев вновь вернулся к теме Аральского кризиса — практически уже исчезнувшего моря, так как его уровень упал теперь на 27 метров, а на высохшем дне образовалась еще одна молодая центральноазиатская пустыня — Аралкум.

Новая книга — это пересмотренное, переоцененное и дополненное издание, в котором «каждый метр падения уровня Арала» подкреплён временным раздумьем и обстоятельностью мыслей автора. Виктору Зуеву безразлична судьба Арала и всё, что связано с ним, а потому он вернулся на те его берега, которых нет, но есть память прошедших лет. «Все глуше шум воды, покинувшей колодец и уходящей вглубь... кругом пески. Друг другу — чело-век. Все люди — братья. И земляки» — это из одно из тех стихотворений В. Зуева, что смело можно отнести к описанию Аральского «колодца».

Уверен, что эта зувская аральская баллада займет достойное место среди уже не столь часто появляющихся книг о глобальной экологической катастрофе Аральского моря.

*Игорь Зонн,
доктор географических наук,
Заслуженный мелиоратор России,
генеральный директор Инженерного
научно-производственного центра
по мелиорации, водному хозяйству
и экологии «Союзводпроект»*

НЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Надпись на полях

...Снизу медленно наплывает Арал.

Конечно, само море неподвижно, это мы подлетаем к нему, но кажется, что Арал надвигается на нас, и в поле зрения неопрятная пустыня сменяется грязной водой.

Глядя вниз из пилотской кабины «Ан-2», понял я, почему так невесело смеялись ташкентские знакомые, когда услышали о моем намерении непременно искупаться в Аральском море, — где оно, это море?!

— Пятьдесят семь километров! — ни к кому вроде бы не обращаясь, крикнул пилот. Это он засек расстояние от кладбища кораблей вблизи бывшего порта Муйнак до нынешней береговой линии, которую мы только что миновали. То, что под нами, — еще не вода в собственном смысле слова, а слой солёной грязи глубиной сантиметров тридцать-сорок при ширине прибрежной полосы моря до двадцати километров. Как только грязно-бурый цвет перейдет в синий, значит, мы над настоящим морем. И вот она — синева.

Синева, схваченная в бурое кольцо нечистот...

Синева, словно живая плоть, погибающая под натиском окруживших её со всех сторон метастаз...

Достаю блокнот, чтобы записать промелькнувший в воображении образ, но все страницы до последней исписаны. Впрочем, можно и не записывать. Образ не оставял меня долго, всплывая всякий раз, как думал я об Арале и его трагедии. Гибнущее море вошло в мою жизнь, должно быть, навсегда.

Еще до 1987 года я не подозревал о том, что творится на этом воистину уникальном водоеме и вокруг него, хотя тогда и начали раздаваться голоса о постигающей Арал печальной участи. Но что значит — море высыхает? Синица, что ли, его подожгла? Скорее всего, мелеет. Ну, так что ж? Такое с ним случалось и прежде, причём, не раз...

Раньше я бывал здесь (и даже жил) лишь в Таджикистане и никак не мог представить себе реальную картину упадка: не уровня Арала — всего региона. Только основательно изучив проблему, поколесив по Приаралью, проведя не одну неделю чистого времени в Госкомстате, Госагропроме, Минводхозе и прочих мощных по части наличия информации организациях (как в так называемом центре, так и на местах), понял: Арал не мелеет. Арал исчезает, но самое страшное — не это.

Особенно много дала последняя — осенью 1989 года — поездка в Узбекистан, на первый взгляд, бестолковая до анекдотичности. Редакция журнала «Новый мир» командировала меня в затеваемую МГУ почвоведческую экспедицию по Приаралью. Но очень скоро я вынужден был самостоятельно закреплять увиденное во время работы в экспедиции «Арал-88» и переосмысливать осмысленное... Не знаю, возможно ли это сейчас, но тогда я узнал много нового для себя и даже неожиданного. Без милицейских мигалок и пищалок перед колонной микроавтобусов и легковушек, наполненных представителями прессы и науки (как бывает во время официальных совещаний, конференций и прочих спевок и как было во время научно-публицистической экспедиции «Арал-88»), без этого эскорта, особенно смешного в маленьких безлюдных среднеазиатских городах, где население ни с того ни с сего по улицам, тем более в жару, не перемещается, без бесконечных дастарханов по поводу и без повода — неперменных атрибутов показушного «восточного гостеприимства», без

торжественных концертов, встреч с тружениками села, закладок «садов дружбы» и тому подобного «бубна звона», — без такого среднеазиатского орнамента действительность выглядела принципиально иначе.

Сердце мое наполнилось печалью.

А поскольку журнал «Дружба народов», дважды командировавший меня в регион, не решился опубликовать подготовленный материал, я оказался перед необходимостью изложить его более подробно.

Такова предыстория книги, в которой я попытался понять, что же случилось с Аралом.

Для меня Арал — это зной и жажда бесконечных среднеазиатских дорог, по которым вело сочувствие к живущим здесь людям самых разных национальностей.

1988 год

Мой Арал — это вид сверху, из пилотской кабины «кукурузника», это марево за окном мчащегося по дороге автомобиля, это дорожная пыль, поднятая моими шагами, это прохлада гостеприимного (уже без всякой показухи) каракалпакского, узбекского, туркменского, дома...

Это бесчисленные дорожные встречи, беседы в роскошных кабинетах и на грязных вокзалах, в научных лабораториях и на берегу мелеющего моря...

Это исписанные блокноты и магнитофонные кассеты...

Это сотни кадров, увиденных через видеоискатель фотокамеры, это десятки снятых фотопленок...

Это горы папок с вырезками из газет и журналов на столе, на полу, на подоконниках моей квартиры...

Это долгие часы, проведенные в раздумье...

Как загадочные слова «мене, теке, фарес», передо мной стояли три вопроса:

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

КТО ВИНОВАТ?

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Те самые три вопроса, что не раз задавала себе русская общественная мысль по самым различным поводам, а ведь судьба Арала — не последний повод по своему значению в их ряду.

Вот почему эта книга — попытка ответить хоть отчасти на эти вопросы.

Но чтобы это сделать, мне предстояло решить еще один немаловажный вопрос. Как рассказать о том, что увидел, что узнал, что понял? После долгих раздумий я решил довериться самому материалу. Для меня было важно, чтобы читатель вместе со мной ощутил само биение жизни во всегда сонном, казалось бы, регионе. Это не передать в гладком, спокойном, что называется, *выстроенном* повествовании.

Я хочу, чтобы читатель вместе со мной перечитал блокнотные записи, порой отрывочные, порой брошенные на бумагу в спешке, порой подробные и обстоятельные...

Я хочу, чтобы читатель вместе со мной услышал рассказы людей, тех, для кого аральские проблемы — дело всей жизни, и чтобы слова их прозвучали так, как сказаны ими, без правки, без приглаживания, без иных прикрас...

Я хочу, чтобы читатель вместе со мной заглянул в подшивки старых газет, в толще которых, как в меловых отложениях, сохранились отпечатки времени — и недавнего, и далекого...

Я хочу, чтобы в этих записях — порой излишне сухих, порой излишне эмоциональных — читатель ощутил особый ритм нашего (тогдашнего) смутного времени, который не передать иначе.

Ритм беды.

Блокнот первый

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Лист первый

«Кругом горе, а посредине... море?»

А может быть... может быть, настало время жить вовсе без проволоки — одной всеобщей счастливой зоной?

Г. Владимов. «Верный Руслан»

Я видел покинутые людьми насиженные места, дома с окнами без стекол, сухие колодцы. В бывшем рыбацком поселке Учсай, население которого сократилось с 10 тысяч до 750 человек (в 1988 году), на полуострове (тоже бывшем) Тигровый Хвост я стал свидетелем открытия народного музея украинского поэта и художника Тараса Шевченко. Он посетил эти места в 1848–1849 годах в составе экспедиции капитана А. И. Бутакова, впоследствии контр-адмирала, составителя первого гидрографического описания и карты Арала, первооткрывателя ряда островов. (Напрасно открывал их Алексей Иванович, теперь все они — часть пустыни.)

Рядовой российской армии Шевченко был взят им в эту экспедицию в качестве «фотографа» (фотографию только что придумали, но ещё не внедрили) — чтобы зарисовать не виданные доселе берега, острова, проливы, селения аборигенов. Ему не понравилось, как живут здесь люди, потомки уральских казаков, поселившиеся в Восточном Приаралье ещё в XVIII веке, а в XIX — освоившие

и Приаралье Южное (сегодня — в абсолютном большинстве своём покинувшие эти места) и каракалпаки, отеснённые казахами примерно двести лет назад с Жанадарьи и долины Зеравшана, с земель более милых сердцу скотовода, нежели низовья Амударьи. Своё настроение Тарас передал в рисунках. А его высказывание по этому поводу: «Кругом горе, а посредине — море», — стало хрестоматийным.

Кстати, за свои труды по исследованию Аральского моря, за описание северного, западного и южного его берегов и за гидрографические работы Алексей Иванович Бутаков, «Магеллан Аральского моря» (так величал его великой Гумбольдт), в 1849 году был произведён в капитан-лейтенанты и награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1850 году в Оренбурге он составил первую карту Арала в проекции Меркатора, приложив к ней рисунки рядового Шевченко, который, собственно, был сослан в армию за порнографические карикатуры на императрицу — с запретом рисовать. За привлечение этого «шалуна» к работе «Магеллан Аральского моря» отделался сравнительно легко — выговором, — но непосредственно от императора¹.

Сегодня же на большей части бывшей акватории — пески, зелень высохла — соль, практически нет питьевой воды, вымерла рыба, чем вообще питаются люди — загадка. И в Учсае, и выше по долине Амударьи солоно само материнское молоко, уже в восьмидесятых годах новорожденные отказывались от него. «Нам теперь даже ядерная война не страшна, — мрачно шутят в Каракалпакии. — Адаптируемся». Правда, численность собственно каракалпаков увеличилась к 1989 году почти вдвое — со 172 556 до 424 000 человек, — но это уж, как говорится, всем смертям назло...

¹ Зонн И. С., Гланц М. Г. Аральская энциклопедия. М., 2008.

Вид с о. Барсакельмес на сухое дно Арала. 1988 г.

Лист второй
«А ежели бы не сгорел?»

Плавбаза «50 лет Каракалпакии», флагман рыбопромыслового флота ценой один миллион рублей (в тогдашних ценах), не успевшая, как и остальные суда, за стремительно отступающим морем, однажды погожим летним днём загорелась — самовоспламенились остатки топлива. Дело было возле Муйнака, на тамошнее кладбище кораблей местные власти любили возить журналистов и всякие комиссии, интересующиеся Аралом. Жертв, правда, не оказалось. Разрушений — тоже: всё же пустыня. А сделал этот корабль за всю свою жизнь один-единственный рейс. Ну, а ежели бы не сгорел? Добрые дяди из соответствующего министерства всё равно списали бы — так же, как десятки других судов, зловещим памятником преступной бесхозяйственности красующихся в песках: новехонькие — встречаются и такие, — краска не облупилась.

Запись, сделанная в воздухе

Этого не может быть, потому что
не может быть никогда.

А. П. Чехов

...Летим над песками.

В свое время для защиты города Муйнака от злых зимних штормов была построена каменная дамба.

Теперь она перегораживает пустыню.

Каракалпакский писатель Оразбай Абдирахманов, с которым я познакомился в экспедиции, дал этой рукотворной пустыне имя: Аралкум. Это было, повторюсь, в 1988 году, а в 2008-м, когда я был в северном Приаралье, мне довелось проезжать через сравнительно новый аул под названием Аралкум. Такие дела...

Рыбокомбинаты в Муйнаке и Аральске в конце восьмидесятых годов прошлого века ещё работали, но лучше б не работали: рыбу везли сюда с Балтики, Каспия, Баренцева моря, жуть — с Украины и Урала, картон — из Семипалатинска, этикетки для банок — аж из Ленинграда, даже помидоры — из Самарканда, со своими — плохо.

Береговая линия на юге и востоке выпрямилась, многочисленные заливы: Аджибай, Рыбацкий, Джалтырбас в том числе, — высохли, стали частью суши почти все острова, а также целый Акпеткинский архипелаг, насчитывавший мелких и крупных островов сотни три. Похоже, соединиться с пустыней предстоит и острову Лазарева. Давно превратился в полуостров Кокарал (что зафиксировали даже последние школьные карты), а люди, обитавшие на нём, бросили свои жилища: по мере отступления моря уходила из колодцев пресная вода, — ничего не поделаешь, закон сообщающихся сосудов.

С самолёта хорошо видно: на востоке бывший остров отделяет от берега узкая протока, обозначенная на